

Статья В. М. МОЛОТОВА

М.В. ВИНАРСКИЙ, Е.А. АННЕНКОВА

НАШИ ЗАДАЧИ В БОРЬБЕ С ТРОЦКИСТСКИМИ И ИНЫМИ ВРЕДИТЕЛЯМИ, ДИВЕРСАНТАМИ И ШПИОНАМИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

...способен заметить вредителей, под носом, и даже не хочет такие вопросы, — он не руко- канцелярист, пустой чиновник. Страхован от того, что к нему ется, под той или иной личи- ной прямой предатель, — ошибки,

ников. Направляя работница, партийная организация требует правильного его использования, проверки его способностей на деле, контроля за его работой. Обязанность руководителя во-время предупредить партийную организацию о недостатках, а тем более о преследованиях тех, кто непосредственно работает у данного руководителя. Но мы что-то не встречаемся с таким по-

выдвижения на руководящие посты политически проверенных, честных в отношении к гоеззартству работников. Там, где слабы наши кадры, мы должны решительнее выдвигать политически проверенных, хотя и недостаточно подготовленных, но способных и желающих учиться работников. Таких людей немало. Их можно и должно научить работать, познать их лезущую квалификацию.

...ского завода т. Бирмана. Вот как начи- нается это письмо т. Бирмана: «Положение, создающееся особенно в последнее время здесь в Днепропетровске, вынуждает меня обратиться к Вам, как к старшему товарищу, как к члену Политбюро, за указаниями и за содей- ствием. Мне кажется, что директиву высшего партийных инстанций о всемерном раз-

Написано это не совсем грамотно и про- сто не особенно понятно, но тов. Совае де- лает из этих слов вывод, что «можно полагать, что в ЦКФФ Нарком- совхозов за время работы вышеуказан- ных антисоветских лиц велась вредительская работа по созданию тяжелого финансового состояния совхозов» и дальше: «Я прошу Вас назначить специаль- ную ревизию состояния работы и дел

О, как ошиблась фарфур рожденья
Похищать дерзко ешь хлеба огей.
Мне снится конференция...

В. Кузин
Секретарь
Кусташкевички Докт. 1941
B. Kuzin det.

Никому не дано выбирать своих родителей, страну и время появления на свет... Что до судьбы, то в ней бывает слишком много сослагательного наклонения — зачастую впору вслед за булгаковским Воландом воскликнуть: «как причудливо тасуется колода!» В других обстоятельствах Борис Кузин, известный своею дружбой с Осипом Мандельштамом, пожалуй, стал бы крупным и признанным при жизни зоологом и биологом-теоретиком, а возможно, в дополнение к этому и популярным писателем-беллетристом, поэтом, искусствоведем или критиком... Но жить ему выпало в суровые и бурные годы, в вихре времени, которым он был подхвачен, сорван с привычного места, и уже не мог принадлежать самому себе... Его история — это еще и история жизни нашей страны в первой половине двадцатого века, с ее взлетами и падениями, высочайшими достижениями и величайшим насилием над человеческой свободой и совестью

Авторы и редакция благодарят главного хранителя фондов А.В. Тихомирову и заведующего сектором энтомологии канд. биол. наук В.Ю. Савицко из Зоомузея МГУ, а также заведующую сектором русских фондов XVIII–XXI вв. отдела рукописей Российской национальной библиотеки канд. искусствоведения Е.А. Михайлову за помощь в подборе иллюстративного материала

ВИНАРСКИЙ Максим Викторович — доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией макроэкологии и биогеографии беспозвоночных Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Лауреат премии «Просветитель» (2021). Автор и соавтор 378 научных и 18 научно-популярных публикаций

АННЕНКОВА Елена Александровна — старший научный сотрудник отдела учета и использования архивных документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Автор и соавтор 40 научных работ

Ключевые слова: Б.С. Кузин, О. Мандельштам, стихотворение «Ламарк», теория эволюции, Ж.-Б. Ламарк, Ч. Дарвин, наследование приобретенных признаков, естественный отбор, ламаркизм, дарвинизм.
Key words: B.S. Kuzin, O. Mandelshtam, poem "Lamarck", theory of evolution, J.-B. Lamarck, C. Darwin, inheritance of acquired characteristics, natural selection, Lamarckism, Darwinism

Слева — Б.С. Кузин. 1930–1935 гг. СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 35. Л. 3

Борис Кузин: «Успех — не критерий удачно или неудачно прожитой жизни»

В июне 1932 г. журнал «Новый мир» опубликовал небольшую подборку новых стихов Осипа Мандельштама, чье творчество в наши дни считается одной из вершин русской поэзии, а сам поэт – одним из главных героев Серебряного века, времени очередного расцвета русской культуры.

Однако в начале 1930-х гг. не у всех современников было такое восторженное отношение к Мандельштаму – и сам он, и его стихи и проза плохо вписывались в советскую реальность. Критика обвиняла его в уходе от актуальных тем (индустриализация, коллективизация, построение социализма), «извращения действительности» и прочих смертных грехах. Стихотворения этого «осколка старых классов», густо насыщенные темными образами и аллюзиями, требовали для своего понимания недюжинной эрудиции, намного превосходящей возможности среднестатистического читателя, и были недоступны широким массам.

К числу наиболее загадочных произведений Мандельштама относится стихотворение «Ламарк», опубликованное в той самой июньской книжке «Нового мира». Современник поэта Юрий Тынянов, филолог и известный писатель, сразу же объявил стихотворение «гениальным». С тех пор «Ламарку» были посвящены десятки статей в литературоведческих журналах, а исследователи творчества Мандельштама вот уже много десятилетий состязаются в остроумии, предлагая все новые и новые его интерпретации. Но по меньшей мере одно обстоятельство в истории создания стихотворения установлено с абсолютной точностью: мы хорошо знаем, откуда у русского поэта, гуманистика по образованию и складу ума, возник интерес к личности и идеям великого французского биолога Жан-Батиста де Ламарка, автора первой научной теории, объясняющей механизм эволюции живой природы.

С Ламарком, а заодно и с жаркими спорами, ведущимися вокруг его идей, поэта познакомил его новый друг, московский энтомолог и теоретик биологии Борис Кузин, сам не чуждый поэзии. История дружбы Кузина и четы Мандельштам, начавшаяся летом 1930 г., хорошо изучена на основе сохранившихся писем и мемуаров. О том, какое значение имела эта дружба для поэта, говорит один только факт, что под влиянием Кузина он прервал свое шестилетнее (!) поэтическое молчание. Кузину было посвящено еще одно стихотворение той поры, где есть такие строки: «Когда я спал без облика и склада, // Я дружбой был, как выстрелом, разбужен...». Начало 1930-х гг. – новый взлет Мандельштама-поэта, который дал нам и «Ламарка».

Но каким был человек, оказавший такое влияние на великого поэта? Личность Бориса Сергеевича Кузина, крайне неординарная, сложная, творческая, известна далеко не так хорошо, как она того заслуживает. Можно сказать, он скрыт в тени Мандельштама, и вспоминают о нем сейчас лишь литературоведы, а также те немногие из биологов, кто интересуется историей своей науки.

К сожалению, Кузину не удалось полностью раскрыть свой талант исследователя. И лишь изучение его рукописей и писем, значительная часть которых до сих пор не опубликована, дает возможность оценить широту его мышления и масштаб дарования. В судьбе Бориса Сергеевича, во всех его жизненных удачах и неудачах, отразилось бурное и непростое время, в котором ему выпало жить. Наш рассказ – и об этой эпохе, и о людях, оставивших свой след в науке и искусстве, которые при любых жизненных обстоятельствах были верны себе.

Ламарк

*Был старик, застенчивый как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.*

*Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

*К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуриав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.*

*Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.*

*Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.*

*Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.*

*И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.*

*И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...*

7–9 мая 1932 г.

По словам литературоведа А. К. Жолковского, «Ламарк» – это «не просто одна из удач великого поэта, а явный “хит”, обладающий огромной притягательной силой для читателей» (2011, с. 368). Возможно, именно нарочитая темнота и сложная образность и являются источником его притягательности, стимулируют воображение

882 г. – Чарльз Дарвин

Борис Кузин (4-й слева в верхнем ряду) среди сотрудников и студентов биологического отделения Московского государственного университета. 1925 г. Фонды Зоологического музея МГУ

Три мушкетера Ламарка

В 1920-е гг. Бориса Кузина, студента, а затем и выпускника естественного отделения физико-математического факультета МГУ, можно было часто увидеть на лекциях и диспутах, посвященных эволюционной биологии. Тогда это была животрепещущая тема, потому что вопрос об эволюции и ее механизмах считался значимым не только теоретически, но и идеологически. Эволюционная биология рассматривалась как важное орудие в антирелигиозной пропаганде и в воспитании молодежи в духе материализма. Поэтому такие споры шли с участием и под контролем партийных теоретиков и идеологов.

Молодой Кузин был участником небольшого неформального кружка московских ламаркистов, выступавших против учения Дарвина. Эту группу возглавлял другой энтомолог из МГУ – Евгений Смирнов, человек поразительной широты интересов и эрудиции, специалист в области систематики насекомых и биологической статистики. Самым молодым был зоолог Юлий Вермель, впоследствии сгинувший в ГУЛАГе. В 1924 г.

трое соратников опубликовали книгу «Этюды по теории эволюции», где со всей прямоотой изложили свои антидарвинистские убеждения. Вермелю было тогда всего 18 лет, более «солидному» Кузину исполнился 21 год...

В этой книге и на частых в те годы публичных диспутах Кузин со своими единомышленниками со всей страстью молодости доказывали, что *естественный отбор* – основа теории Дарвина – для объяснения эволюции не нужен, а главную роль играет *наследование*

Путь в науку Бориса Кузина начинался вполне обычно, как у многих будущих натуралистов. Благополучное детство в не очень состоятельной, но интеллигентной семье, учеба в подмосковной гимназии. Отец-бухгалтер на досуге увлекался коллекционированием насекомых, чем заразил и своего сына. Окрепнув, детское увлечение привело Бориса на естественное отделение физико-математического факультета Московского государственного университета, где он специализировался в области энтомологии. В 1924 г. он окончил его по специальности «зоология описательная»

Борис Кузин. Начало 1920-х гг. Москва.
Отдел рукописей РНБ. Ф. 1252. Оп. 2. Ед. хр. 53

приобретенных признаков (для краткости НПП). Суть НПП заключается в том, что организм, обитая в конкретных условиях и будучи вынужден к ним приспосабливаться, при жизни приобретает полезные в данном случае признаки, которые передает своим потомкам. Речь идет о так называемом *прямом приспособлении*, о котором писал в начале XIX в. Ламарк. Это эволюция, идущая не путем длительного естественного отбора, а через «механический» и целесообразный ответ животных и растений на вызовы, которые ставит перед ними внешняя среда.

Предполагаемая механичность эволюции и дала название всему течению: Смирнов и его товарищи именовали себя *механоламаркистами*. Им противостояли сторонники классической генетики, выступавшие в защиту дарвиновской эволюционной модели. Дарвин и Ламарк были своего рода интеллектуальными антиподами, поднятыми на знамя противоборствующих лагерями, между которыми шел отчаянный спор: или – или. Компромисса никто из спорщиков не желал.

Атмосферу этих диспутов вокруг идей Дарвина и Ламарка сохранил в своих мемуарах очевидец и участник событий, известный советский генетик Н. П. Дубинин, который также учился в МГУ: «Группа ламаркистов в Тимирязевском институте внешне была очень колоритной. Профессор Смирнов был главой и вождем группы. Умный, выдержанный, высокий, худощавый, с надменным лицом, он представлял собою опасного противника; Б. С. Кузин, бритоголовый,

крепкий, молчаливый, с неизменной трубкой в зубах; Ю. М. Вермель, красавец, с матовым лицом, длинными волосами, в черной шляпе, с черным длинным плащом, перекинутым через плечо, с тростью, блиставшей серебром, и со страшным перстнем, на котором изображена его толпы. Их схватки с [генетиком] А. С. Серебровским были захватывающими» (1989, с. 99).

Дарвинисты vs ламаркисты

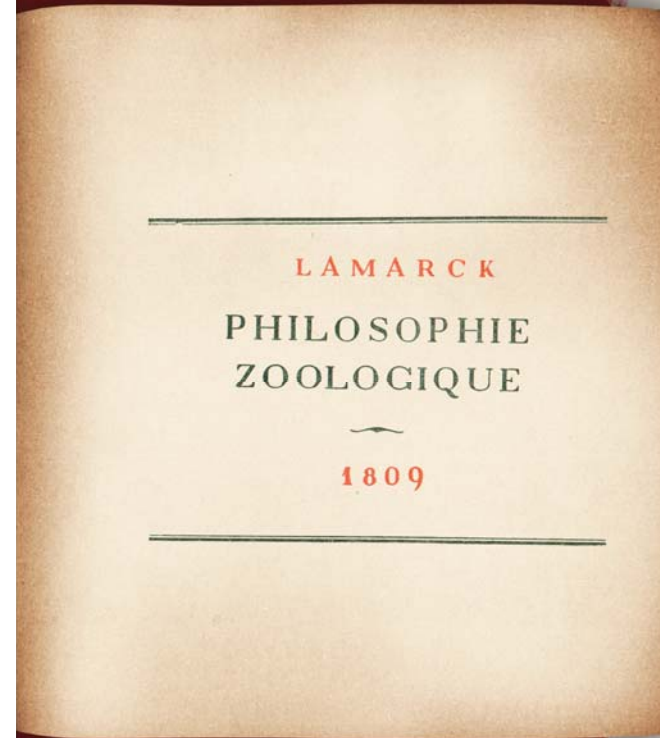
В XIX в. реальность наследования приобретенных признаков признавалась почти всеми биологами, не исключая и самого Дарвина. Современные генетики в большинстве своем отрицают НПП, так как не могут объяснить, каким образом живое существо способно «записать» в свои гены сведения об этих полезных для них благоприобретенных признаках и как эти признаки передаются потомству (Махров, 2005). Но в начале прошлого века генетика была сравнительно молодой наукой, многое о законах наследственности еще не было известно, и гипотеза НПП рассматривалась как одно из возможных, хотя и не бесспорных, объяснений эволюционного процесса.

Е. С. Смирнов, Ю. М. Вермель, Б. С. Кузин

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Б. М. ЗАВАДОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ»
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ • МОСКВА • 1924

Жан-Батист де Моне, шевалье де Ламарк. Худ. Л.-Л. Буайи, 1821 г.
По кн.: Ламарк Ж.-Б. *Философия зоологии*. Москва; Ленинград, 1935. Т. 1.

Слева – титульный лист книги Е. Смирнова, Б. Кузина и Ю. Вермеля «Очерки по теории эволюции». 1924 г.

LE CHEVALIER DE LAMARCK,
(Jean-Baptiste - Vicomte Antoine - Daubenton)
Membre de la Société d'histoire naturelle

Né à Flavacourt près Beaumont, le 8 Août 1744, élu à l'Académie en 1799,
à l'Institut en 1803

ЖАНБАТИСТ ЛАМАРК

Репродукция с литографии Бойи (Boilly), 1821

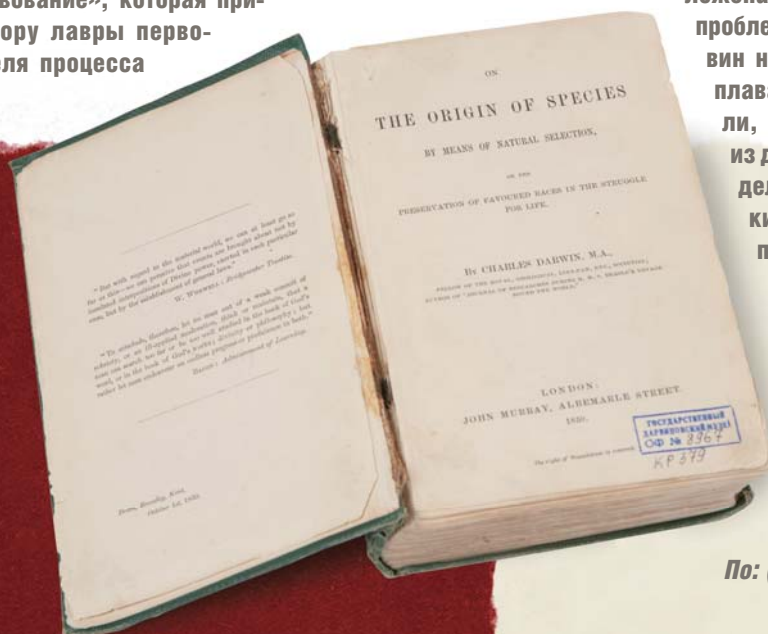
Для советских же теоретиков важным было то, что эту концепцию признавал Фридрих Энгельс, считавшийся одним из высших авторитетов в области теоретической биологии. Высказывания Энгельса по вопросам сущности жизни и ее происхождения были той не подлежащей ревизии священной коровой, игнорировать которую не мог ни один советский ученый. Идеологическая установка эпохи предполагала, что постулаты «единственно верной» философии марксизма имеют приоритет над любыми биологическими теориями, выступая в качестве основного средства проверки их на пригодность, мерилем их материалистической сущности (всякие «идеализм» и «метафизика» безусловно воспрещались).

«Философия зоологии» Жан-Батиста Ламарка, в которой французский ученый-естествоиспытатель представил целостную теорию эволюции животного мира, была издана в 1809 г. Главная ее идея заключалась в отказе от принципа постоянства видов – сохранения неизменными признаков у всех существ на земле: «Единственно это предположение я и намерен оспаривать, – писал Ламарк, – потому что доказательства, почерпнутые из наблюдений, явно свидетельствуют, что оно неосновательно». В противовес он провозгласил эволюцию живых существ: постепенное усложнение строения организмов, специализацию их органов, появление у животных чувств и, наконец, возникновение разума. Процесс этот, считал ученый, был долгим: «По отношению к живым телам природа все производила мало-помалу и последовательно: сомневаться в этом более нельзя». Причина, обуславливающая необходимость эволюции, – изменение среды обитания: «...породы изменяются в своих частях по мере того, как наступают значительные перемены во влияющих на них обстоятельствах. Весьма многие факты убеждают нас, что по мере того, как особям одного из наших видов приходится менять местоположение, климат, образ жизни или привычки, они подвергаются влияниям, изменяющим мало-помалу состояние и соотношение их частей, их форму, их способности, даже их организацию». По: (Сойфер, 2010)

Английский натуралист и путешественник Чарльз Роберт Дарвин в возрасте 40 лет. Литография Т. Х. Магвайра, 1849 г. Wellcome Collection. Public Domain Mark

В 1859 г. вышла в свет книга английского ученого Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных пород в борьбе за существование», которая принесла автору лавры первооткрывателя процесса

Ученый должен был работать с постоянной оглядкой на высказывания «классиков марксизма», поскольку, как объяснял в 1931 г. молодой «биолог-марксист», некий Иван Лагунов, «в наших условиях необходимо разоружать классово-чуждые теории; пролетариату далеко не безразличны пути, по которым он идет к истине и переделывает мир» (СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 10. Л. 30). Как сказал бы булгаковский профессор Преображенский – «швондерова работа!».

Вот почему советские споры о Дарвине и Ламарке не были обычными для «нормальной» науки академическими дискуссиями. От того, какая из двух теорий будет в итоге признана соответствующей диалектическому материализму, зависело очень многое: карьера, финансирование исследований, возможность печатать свои труды, да и, наконец, положение в обществе! Примкнуть к одному из лагерей означало сделать политический выбор. Неправильное решение было чревато обвинениями (разумеется, от имени пролетариата) – нет, не в научной несостоятельности, а в идеологической нечистоте и даже вредительстве.

Напомним, что «вредительство» – это не только хлесткий ярлык, призванный уязвить оппонента, но и вполне реальная статья тогдашнего уголовного кодекса. В конце 1930 г. в газетах широко освещался процесс «Промпартии» – судебное разбирательство по сфабрикованному делу о вредительстве в промышленности, прямому предшественнику печально знаменитых «московских процессов» 1937 г. На скамье подсудимых оказались крупные ученые, инженеры

эволюции. Примечательно, однако, что великий ученый родился в 1809 г., в год выхода в свет «Философии зоологии» Ж.-Б. Ламарка, где была обстоятельно изложена первая эволюционная теория. Над проблемами изменчивости видов сам Дарвин начал задумываться уже во время плавания на «Бигле»: «Я пришел к мысли, что виды, вероятно, изменяются, из данных по географическому распределению и т.п., но в течение нескольких лет я бессильно останавливался перед совершенной неспособностью предложить механизм, с помощью которого каждая часть каждого из созданий оказывалась приспособленной к условиям их жизни». Идея Ламарка о постепенном совершенствовании видов стала к этому времени достаточно популярной, укрепляя мысли о допустимости эволюции.

По: (Сойфер, 2010)

1882 г. – Чарльз Дарвин

В 1925–1935 гг. Б. С. Кузин работал в должности старшего научного сотрудника в Зоологическом музее (с 1932 г. – заведующего сектором энтомологии) и Институте зоологии при Московском государственном университете, где занимался энтомологией, включая систематику жуков и клещей, и гидробиологией

и организаторы производства, пятеро из них были приговорены к расстрелу, позднее замененному заключением в «шарашках», где их ум и знания использовались для решения практических задач.

В научной среде также начались поиски классовых врагов и вредителей. Особенно старались молодые биологи и философы, которых позднейшие историки назовут «диалектизаторами». В борьбе за идеологическую чистоту советской биологии они обрушивались на всех, кто стоял на «неправильных», немарксистских позициях. Под огонь их критики попадали как ученые дореволюционной школы (например, выдающийся генетик Н. К. Колцов), так и молодежь, увлекавшаяся идеями Ламарка.

В 1931 г. на общем собрании Общества биологов-марксистов главный докладчик Борис Токин, в будущем известный эмбриолог и Герой Социалистического Труда, определил механоламаркизм Смирнова и Кузина как «вульгарную позицию, ничего общего не имеющую с марксизмом и ленинизмом». По его мнению, ламаркизм «сейчас тормозит разработку вопросов

эволюции, проблем индивидуального развития <...> это наносит прямой вред социалистическому строительству. <...> вредитель-биолог пакостит социалистическому строительству, тормозит использование достижений теоретической биологии в нашей практике, влияет на все области методологии» (Против

Б. С. Кузин с коллегами Е. С. Смирновым и Б. Б. Родендорфом во дворе Зоомузея МГУ. 1925 г. Фонды Зоологического музея МГУ. Вверху – здание Зоологического музея МГУ в 1911 г. Фотография Шерер, Набогольц и К. Public Domain Редакционная ретушь цветом

Из всего мира насекомых Борис Кузина больше всего привлекали жуки. Но не все подряд, а преимущественно из семейства нарывников (*Meloidae*), распространенных полевых и садовых вредителей, классификация которых стала его главной специальностью. Ему приходилось обращать внимание и на других членистоногих – амбарных клещей, а также на кошениль – насекомое, из которого получают природный краситель кармин. Но этот интерес был вызван необходимостью: в те годы власть неодобительно относилась к «чистой» науке и требовала, чтобы энтомологи занимались чем-то практически полезным, к примеру вредителями сельского хозяйства или вот этой самой кошенилью, дающей ценный для промышленности продукт

Борис Кузин в экспедиции в Средней Азии. Около 1933 г. Фонды Зоологического музея МГУ

Жук-нарывник (*Mylabris triangulifera*). Закаспийская область, 1927 г. Коллектор Б. Кузин. Фото В. Ю. Савицкого (Зоологический музей МГУ)

механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии, 1931, с. 9).

В своей небольшой брошюре «Вредительство как оно есть» (1930) экономист и инженер Г. М. Кржижановский, близкий друг Ленина, объяснял: «Вредительство, осуществляющееся в течение ряда лет в промышленности Союза, является одним из видов непримиримой антисоветской борьбы классовых врагов пролетарской диктатуры и социалистического строительства». А что делала пролетарская диктатура со своими врагами в те годы? Токин прямо указал на лиц (среди них были и крупнейшие ученые, такие как биофизик П. П. Лазарев и эволюционист Л. С. Берг), которых «нужно бить в первую очередь!».

В начале 1930-х гг. жаркие дебаты закончились победой дарвинистов (до триумфа лысенковщины оставалось еще 20 лет). Кузину и его сотоварищам пришлось расстаться с созданной для них лабораторией при Биологическом институте имени К. А. Тимирязева, входившем в состав московской Коммунистической академии, где они надеялись поставить опыты, доказывающие истинность НПП. Кузин продолжил работу

Балханский р-н
Пробные березы
Баханае 1957г

В Зоологическом музее МГУ хранятся энтомологические сборы Б. С. Кузина, сделанные им в европейской части РФ и в Средней Азии. Справа – матрасик с собранными Кузиным жуками-нарывниками из музейных фондов. Эти яркоокрашенные насекомые, содержат в своем теле едкое вещество кантаридин, вызывающее химический ожог и нашедшее применение в медицине. Фото В. Ю. Савицкого (Зоологический музей МГУ)

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МГУ

Mylabris Fabr III

Справочная

(*Micrabris* Kuzin) (*Euzonabris* Kuzin)

(*Decapotoma* Voigts) (*Cerostis* Mars.)

Coryna Billb

Lydoceras Mars

Libycisca Kuzin *Semenovilia* Kuzin

в Зоологическом музее МГУ, где мирно занимался изучением жуков-нарывников и время от времени выезжал в энтомологические экспедиции в разные районы страны.

Во время одной из таких поездок, в Армению, Борис Кузин знакомится с поэтом Осипом Манделъштамом и его женой Надеждой (Давыдов, Огурцов, 1987). Для всех троих это была судьбоносная встреча. Манделъштам уходит с головой в изучение новых для него биологических проблем, пропадая часами в Зоологическом музее, описывает свои впечатления от бесед с Кузиным в книге «Путешествие в Армению».

А иногда и помогает своему молодому другу выпутаться из сложных жизненных обстоятельств. В 1933 г. в письме Мариетте Шагинян, где Манделъштам умоляет именитую писательницу заступиться за арестованного (в очередной раз) Кузина, он рекомендует того как «московского зоолога и ревнителя биологии» и делает признание, что «личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы» (Манделъштам О. Э. и Кузин Б. С. Материалы из архивов..., 1987, с. 131).

Кузин не просто знакомит поэта с теорией Ламарка (анализ текстов Манделъштама выявляет немало скрытых цитат из сочинений французского биолога). Он преподносит ему биологические проблемы через «ламаркистские очки», заодно «заражая» своего собеседника явной антипатией к Дарвину. Кто-то один

слева – русский поэт, прозаик и литературовед Осип Эмильевич Манделъштам. 1925 г. Public Domain

справа – супруга Манделъштама, Надежда Яковлевна Манделъштам. Около 1960 г. СПбФ АРАН. Ф. 1033. Оп. 2. Д. 69. Л. 1

должен взять верх – или Дарвин, или Ламарк. И он, Борис Кузин, хотя и находится на стороне побежденных, не спешит выбрасывать белый флаг.

Это импонировало Манделъштаму, который чувствовал себя таким же побежденным, только в мире литературном. В начале 1930-х гг. поэт осознавал «себя в роли маргинала, странного субъекта, на которого с недоброжелательным недоумением смотрит «литературная общественность»»; он «сознательно принимает уготованную ему судьбу отщепенца» (Видгоф, 2010, с. 54–55).

Дарвин, Ламарк и «Ламарк»

Ламарк, каким его увидел и изобразил в стихах и прозе Манделъштам, наделен чертами реального Бориса Кузина, великолепного полемиста, виртуозно орудовавшего словесной рапирой в спорах с научными оппонентами (Бартошевич-Жагель, 2022). Но его «фехтовальщик» Ламарк – это еще и Дон Кихот от биологии, сражающийся за честь прекрасной дамы

Природы, очертя голову бросающийся в битву, которую ему суждено проиграть. Романтик-натуралист, чье учение высмеивалось современниками и потомками и на тот момент было признано в СССР идеологически сомнительным.

Печаль и безысходность, пронизывающие стихотворение «Ламарк», порождены не только возможной «деградацией» дружбы Манделъштама с Кузиным, как считает литературовед О. В. Бартошевич-Жагель, но и осознанием того, что дело проиграно, что мир романтических ученых-рыцарей сменился прозаическим обществом скучных педантов, бухгалтеров от науки, лишенных подлинных страстей и величия. Так в восприятии Манделъштама под прямым влиянием бесед с Кузиным и другими московскими механоламаркистами сложился биографический миф, в котором благородный, но обреченный на поражение «фехтовальщик» Ламарк противопоставлен прозаическому Чарльзу Дарвину.

Насколько созданный Манделъштамом мифообраз соответствует этим историческим персонажам? Если с Ламарком-«фехтовальщиком» еще можно согласиться (ученый в молодости был офицером, участвовал в сражениях и отличался храбростью), то Дарвин, как выразился Манделъштам, «по уши влипший в факты», – это уже карикатура. Да, главный труд Дарвина «Происхождение видов» основан на фактах,

«монбланах фактов», но можно ли ждать иного от естествоиспытателя, желающего убедить своих коллег в правоте новой теории?

Сам Дарвин в частных письмах называл свою теорию «ужасно спекулятивной» и в этой самооценке был абсолютно прав. Центральная концепция дарвинизма – представление о естественном отборе – была получена не индуктивным (от фактов к теории), а дедуктивным путем. Проще говоря, Дарвин не «подсмотрел» эту концепцию в природе, где-нибудь на Галапагосских островах, а вывел представление об отборе путем умозаключений над уже известными фактами.

То же самое можно сказать о его первом научном успехе – теории образования коралловых рифов, которую Дарвин «привез» из кругосветного путешествия на «Бигле». В своей автобиографии ученый писал: «ни один мой труд не был начат в таком чисто дедуктивном плане, как этот, ибо вся теория была придумана мною, когда я находился на западном берегу Южной Америки, до того, как я увидел хотя бы один настоящий коралловый риф» (1959, с. 214). Все эти рассуждения

Дворик мечети в Эривани, где познакомились Борис Кузин и путешествовавшие по Армении супруги Манделъштам, . Отдел рукописей РНБ. Ф. 1252. Оп. 2. Ед. хр. 53. Фото № 43

о формировании рифов были основаны на геологических наблюдениях, при этом сила его дедуктивного мышления была такова, что, когда Дарвина довелось познакомиться с настоящими рифами, теория не претерпела ни одного изменения. Предсказания точно сошлись с фактами!

Но для истинного британского ученого, уроженца страны, в которой со времен Фрэнсиса Бэкона «дедуктивный» способ познания считался едва ли не бранным словом, это было довольно дерзко, и современники не преминули поставить Дарвина в вину спекулятивность его эволюционной теории. Подтверждения, что естественный отбор реально происходит в природе, были получены через несколько лет после смерти ученого, когда натуралисты уже понимали, где, как и что им нужно искать...

Возможно, что и сам поэт вполне понимал полемическую односторонность созданной им карикатуры на Дарвина. По крайней мере, другие его оценки того же времени заметно более комплиментарны по отношению к великому англичанину: «С детства я приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум. Его теория казалась мне подозрительно краткой: естественный отбор. Я спрашивал: стоит ли утруждать природу ради столь краткого и невразумительного вывода. Но, познакомившись ближе с сочинениями знаменитого натуралиста, я резко изменил эту незрелую оценку» (Мандельштам, 2020, Т. 3, с. 268).

Правда, для правильного понимания этих комплиментов нужно иметь в виду, что цитата взята из очерка, написанного Мандельштамом по заказу газеты «За коммунистическое просвещение» (ныне – «Учительская газета») весной 1932 г., когда в СССР очень широко и пышно отмечалось 50-летие со дня смерти английского ученого. Советское правительство желало

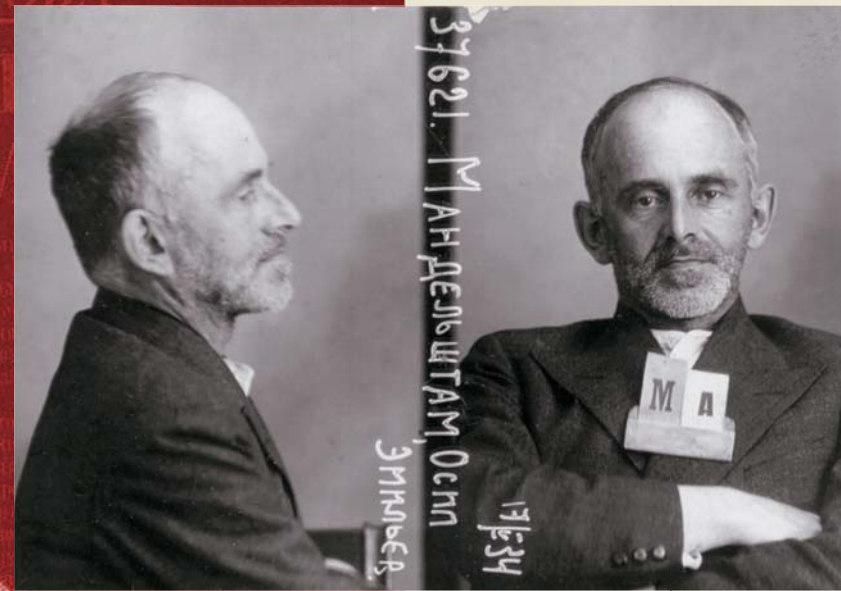
продемонстрировать всему миру не только бурное развитие науки в СССР, но и то, что здесь дарвинизм обрел свою «вторую родину», в отличие от капиталистических стран, где идеи Дарвина используются для пропаганды расизма и империализма, защиты «классовых интересов» буржуазии. Так что и повод, и статус издания должны были наложить свой отпечаток на содержание и тональность публикации.

Очерк вышел в свет 21 апреля, а уже в первой декаде мая Мандельштам напишет того самого «Ламарка», где, не упоминая всуе имени Дарвина, возвращается к полюбившемуся ему романтическому мифу. Похоже на то, что в глазах поэта Дарвин так и остался стоять ступенькой ниже того Ламарка, с которым его «познакомил» Кузин.

В «Путешествии в Армению», опубликованном в 1933 г., Мандельштам не смягчает нелестных по отношению к Дарвину характеристик, включая и такую жесткую, как причисление английского биолога к «научным дикарям XIX века». Полагаем, что этот образ был нарочито доведен Мандельштамом до шаража с единственной целью – оттенить величие и трагедию непонятого, донкихотствующего шевалье де Ламарка, а с этим вместе – не свою ли собственную историю или историю Бориса Кузина?

«Неприлично быть счастливым»

Трагическая судьба Осипа Мандельштама общеизвестна: в 1938 г., арестованный за «антисоветскую агитацию», он скончался в пересыльном лагере под Владивостоком, не дожив немного до своего 48-летия. Кузину выпал более счастливый жребий, хотя и он не избежал участи многих в те годы – несправедливого ареста, лагерного срока, многих лет ссылки.

Фотография О. Э. Мандельштама из его следственного дела. 1934 г. ЦА ФСБ РФ, Ф. Р-33487. Public Domain

По иронии судьбы роковой поворот в его жизни оказался связан не с «идеологически неправильными» эволюционными воззрениями, а с поэзией, и даже не его собственной. Дело было в знаменитом стихотворении Мандельштама о «кремлевском горце» Иосифе Сталине, написанном в 1933 г.:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца...*

Кузин, будучи близким другом поэта, оказался в числе избранных слушателей и как лояльный гражданин должен был пойти и донести куда следует на автора крамолы. Конечно, никуда он не пошел и на друга не донес. Далее ситуация развивалась по сценарию, характерному для 1930-х гг. В апреле 1935 г. Кузина арестовали (это был уже третий его арест, два первых ничем серьезным не закончились) по 58-й статье УК РСФСР «за контрреволюционную деятельность».

Почти в одночасье московский зоолог, острослов, полемист и эстет очутился в выжженной солнцем полупустыне-полупустыне Центрального Казахстана, а именно в КарЛАГе (Карагандинском исправительно-трудовом лагере в системе ГУЛАГ НКВД СССР). Вдали от семьи и друзей, от книг и ученых занятий – всего, что составляло содержание его прежней жизни.

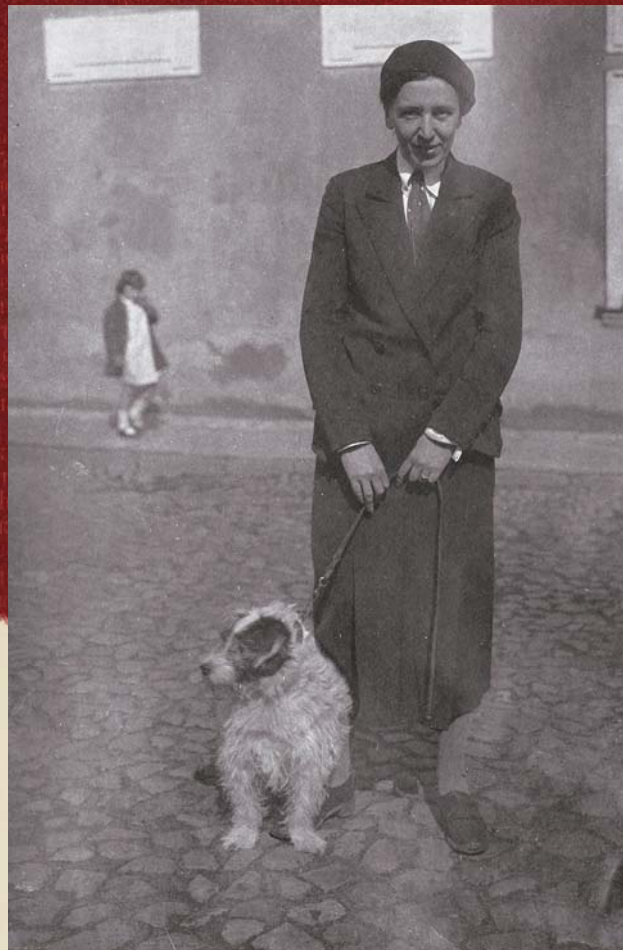
Но судьба оказалась милостивой к заключенному ученому. В КарЛАГе имелось «большое опытное поле» и Кузину дали работу «по специальности»: как энтомолог, он занялся защитой растений – изучением вредных насекомых.

Он собирает коллекции, пытается определять насекомых (при почти полном отсутствии научного оборудования), даже пишет научные работы. Отбыв трехлетний срок, Кузин выходит на свободу, но не вполне свободным. Он все еще ссыльный, судимость не снята, поэтому ни одно научное учреждение в Москве или Ленинграде на работу его не возьмет.

Оказавшись после лагеря в п. Шортанды в Северном Казахстане, где ему предстояло продолжить работы по сельскохозяйственной энтомологии на опытной сельскохозяйственной станции, Кузин испытал двойственное чувство. С одной стороны, мучительными оказались одиночество и оторванность от любимой жены, друзей, привычной московской жизни. С другой стороны, счастьем было снова обрести возможность вести переписку, читать книги, заниматься наукой и творчеством – все это было ему так же необходимо, как дышать.

В 1941 г. в письмах к жене из ссылки Кузин признавался:

Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (1931–1959 гг.) – один из крупнейших в системе ГУЛАГа НКВД СССР – в 1931 г. занимал площадь 53 тыс. га, которая за последующее десятилетие увеличилась более чем в 30 раз. При его организации одной из приоритетных ставилась задача создания крупной продовольственной базы для бурно развивающейся угольно-металлургической промышленности в Центральном Казахстане. Так возник совхоз «Гигант», где применялся труд заключенных, которые скученно жили в плохо отапливаемых деревянных бараках с двух- и трехъярусными нарами. Научное сопровождение лагерному производству обеспечивали научно-исследовательские лаборатории, на базе которых в 1938 г. была создана Сельскохозяйственная опытная станция, куда входил и отдел по защите растений. К 1940 г. в лагере имелось 106 животноводческих ферм, 7 огородных и 10 пахотных участков. Совхоз «Гигант» Карлага выполнял государственные задания по продаже государству зерна и обеспечению хлебом «спецконтингента». По: (Абдрахманова, 2014)

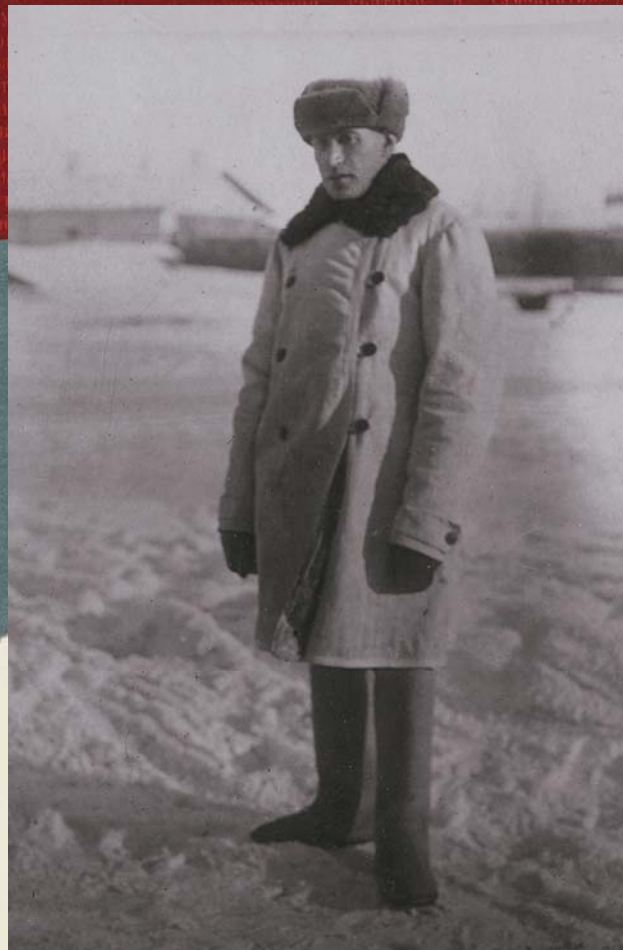

Супруга Б. С. Кузина, архитектор А. В. Апостолова. 1930-е гг., Москва.

Справа – Б. С. Кузин в ссылке в Северном Казахстане в 1938 г. (в декабре этого года в пересыльном лагере скончался О. Э. Мандельштам).

После двух лет пребывания в Шортанды Кузин писал жене: «Гораздо хуже моя новая болезнь, которая до сих пор была мне совсем неизвестна. Это отчаяние... Жить среди волчьего населения Шортандов. Никогда ни с кем не говорить о том, что мне близко» (Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка..., 1999, с. 458). Отдел рукописей РНБ. Ф. 1252. Оп. 2. Ед. хр. 93 и 61

«Проглотивши этот щелчок судьбы, я тотчас же подумал, что у меня, хотя и далеко, есть ты, есть Оля [сестра], со мной мои собаки, я еще могу писать стишки, хоть и плохие, рассматривать насекомых... еще надеюсь охотиться. И все это налицо, чистогадом. <...> А что до счастья, то, помнишь, я тебе писал как-то, что порядочному человеку, может быть, и неприлично быть счастливым. За хама принять могут» (Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка..., 1999, с. 465).

Кузину, как ссылке, пришлось еще много лет проработать в Казахстане, занимаясь насекомыми-вредителями. В 1944 г. – уже в статусе кандидата сельскохозяйственных наук – ему удалось покинуть Шортанды и перебраться в Алма-Ату, где он стал заместителем директора по научной работе Республиканской станции защиты растений Казахского филиала ВАСХНИЛ. Занятие вполне достойное уважения, но совсем не соответствующее его склонностям и научным интересам.

Днем он занимался организацией борьбы с сельскохозяйственными вредителями, а на досуге изучал иностранные языки и теорию шахмат, читал Шопенгауэра в оригинале, писал стихи и прозу или до бесконечности крутил на патефоне пластинки с музыкой Баха – композитора, которого он боготворил.

Это была жизнь рядового провинциального «научного работника», без особых перспектив, а главное – с довольно беспросветным будущим. Даже став в 1951 г. доктором биологических наук, Кузин, казалось, был обречен до конца своих дней бороться с вредителями на территории Казахской ССР.

И снова – невероятный поворот судьбы.

Поселок Шортанды, где располагалась опытная сельскохозяйственная станция, – это настоящий медвежий угол, подлинный край света, где до начала 1940-х гг. в домах не было даже электричества. Условия для жизни и научной работы почти первобытные. В неопубликованном письме коллеге-энтомологу и теоретику биологии А. А. Любищеву от 6 марта 1938 г. Б. С. Кузин рисует безрадостную картину своего местного житья-бытья:

«Станция наша очень убогая. Стоит она в голой степи. До станции железной дороги от нас версты три. В расстоянии версты с небольшим небольшой поселок, образованный несколько лет назад. Сама станция состоит из двух жилых домов, разделенных большим участком степи, гаража с конюшней и кузницей при ней, да двух легких летних построек. Я здесь называюсь заведующим отделом защиты растений, весь персонал которого и все имущество представлено одной моей особой, моей комнатой и моими принадлежностями для сбора насекомых. Нет ни лаборатории, ни инструментов, ни литературы. Нетрудно заключить, что я продолжаю научно деградировать. Поступил я сюда потому, что летом [1937 г. после освобождения из КАРлага] решительно не знал, куда деваться. Но есть и большое преимущество в моей теперешней службе. Директор – хороший человек, и вся окружающая публика не вредная. Очень трудно и неудобно, зато спокойно. Насколько позволяют возможности, я изучаю здешних вредителей, а большой досуг отдаю пополнению своего скудного образования» (СПбФ АРАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 272. Л. 2–2об)

В тихой папанинской «заводе»

Предоставим слово историку М. А. Давыдову, близкому другу Кузина, который сохранил его архивы и оставил о нем биографические заметки: «Последние два десятка лет Борис Сергеевич прожил в Борке, работая в Институте биологии внутренних вод в качестве руководителя научной жизни института, возглавляемого легендарным Папаниным <...> Это было настоящее небольшое независимое “государство” в Ярославской области. Его глава, Иван Дмитриевич Папанин, герой и контр-адмирал, правил в нем победоносно, милостиво и самовластно, искусно защищая своих подданных от советских законов.

Уже при организации института в начале 50-х гг. сказалась талантливость и широта натуры этого не слишком образованного и вполне советского человека. При подборе научных кадров Папанина не смущали “волчьи паспорта”. Так, когда акад. Несмеянов, давний знакомый Б. С., рекомендовал его Ивану Дмитриевичу как талантливого ученого и достойного человека, тот сразу захотел получить Кузина. Причем административные рогатки только разжигали это желание. Годы были плоховатые для географических перемещений судимых и ссыльных. А жизнь в Казахстане была для Б. С. невыносима даже в докторском звании. Сам он мало верил в успех этой авантюры, тем более что власти Казахстана не желали лишиться такого первоклассного специалиста по борьбе с вредителями сельского хозяйства, не раз выручавшего их. Все это Б. С. поведал Папанину при встрече. Беседа завершилась вполне суворовским диалогом:

- Собирай бумаги и приезжай!
- Да ведь паспорт у меня хреновый.
- Х... с ним, бери хреновый паспорт и приезжай!

Зимовщики первой в мире полярной научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс – 1». Руководитель станции – И. Д. Папанин (2-й слева)

АКАДЕМГОРОДОК В БОРКЕ

К началу 1950-х гг. в п. Борок (Ярославская область), расположенном на берегу Рыбинского водохранилища, имелась научно-исследовательская биологическая станция «Борок» имени Н. А. Морозова – преемница организованной еще в 1938 г. Верхне-Волжской научной базы, созданной для «изучения динамики растительности и животного наследия, а также почвенных процессов, происходящих под влиянием новых гидрологических и климатических условий».

В декабре 1951 г. Президиум АН СССР, чтобы определить дальнейшую участь станции, направил туда комиссию под председательством знаменитого исследователя Арктики, контр-адмирала и доктора географических наук И. Д. Папанина, который в 1937–1938 гг. возглавлял первую в мире арктическую экспедицию на дрейфующей льдине.

Это событие стало поворотным в истории Борка. В январе 1952 г. вышло постановление о реорганизации станции в «...образцовую научную базу для работ, связанных с изучением искусственных водохранилищ...», оснащенную всем необходимым для полноценной научной деятельности и значительным штатом. В 1956 г. на базе станции «Борок» был создан Институт биологии водохранилищ АН СССР (с 1962 г. – Институт биологии внутренних вод, которому в 1987 г. было присвоено имя И. Д. Папанина).

Папанин, назначенный по совместительству временно исполняющим обязанности директора станции, в конечном счете проработал на этой должности 20 лет. За это время она превратилась в успешный академический институт, а на месте старой обветшалой усадьбы вырос благоустроенный научный городок. И все эти годы рядом с Папаниным работал Б. С. Кузин: до выхода на пенсию в 1970 г. – заместителем директора института по научной части, затем – консультантом

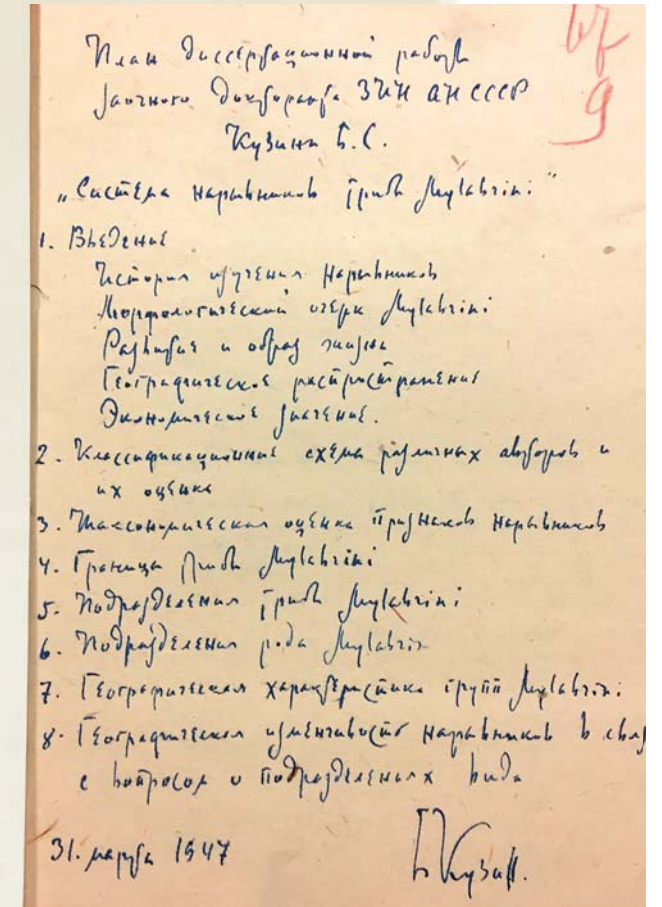
Б. С. Кузин и И. Д. Папанин (2-й и 3-й слева) в научном городке в п. Борок Ярославской области. 1960-е гг. СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 36. Л. 1

После этого он вступил в бой за Кузина с казахским, московским, рыбинским и другим начальством. Завоевав Кузина, Иван Дмитриевич безошибочно поручил ему управление научной жизнью института. Вдвоем они набрали немало сотрудников с «волчьими» паспортами, не смущаясь тем, был ли кандидат хоть немец, хоть еврей, хоть ссыльный, хоть лагерник. Был бы специалист хороший, да человек приличный. При таком методе подбора получился первоклассный академический институт» (Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка..., 1999, с. 757).

«Борковские» годы были, наверное, самыми спокойными и счастливыми в жизни Бориса Кузина. Он

уже мало занимался собственными исследованиями, но очень много сил отдавал работе с молодыми учеными, редактируя их труды и ненавязчиво наставляя их на пути в науку. Все эти годы рядом с ним была и его жена – инженер-архитектор Ариадна Апостолова, «художник по натуре и архитектор по профессии», как называет ее Давыдов (Там же, с. 757).

По внешним признакам бывший узник КарЛАГа прекрасно вписался в советскую научную систему. Доктор наук, он занимает должность заместителя директора академического института, вожделенную для многих карьеристов от науки. Но чины, звания и вообще то, что зовется «жизненным успехом», было Кузину глубоко чуждо. По крайней мере, на склоне лет он четко осознал, что «успех – совсем не критерий удачно или неудачно прожитой жизни. Важно только, была ли она наполнена и чем была наполнена. Важно также, стыдно ли тебе за совершенные в жизни поступки или нет» (Там же, с. 32). Поэтому свои научные труды по теории классификации живых организмов, а также поэтические и прозаические произведения он писал в стол, спокойно тратя свои силы на то, что при жизни автора не могло увидеть свет. Его взгляды на теоретические вопросы биологии стали известны лишь позднее.

Сам Кузин относился к своей «непечатности» не только вполне спокойно, но даже выработал из этого особую философию. «Поскольку я пишу не для печати, это избавляет меня от необходимости соблюдать принятые при публикации правила <...> А это занятие скучное и часто трудное. Это же позволяет мне писать так, как мне нравится, т. е. пользоваться всеми возможностями нашего языка. <...> Одним словом, за право на совсем правдивые писания я плачу отказом от того, что называется успехом в жизни» (Там же, с. 32). По его собственному признанию, максимальный тираж его сочинений составил ровно три экземпляра.

А вот по вопросам эволюционной биологии Борис Сергеевич, выйдя из заключения, не написал ни единой строчки. Даже в начале 1950-х гг., когда в советской

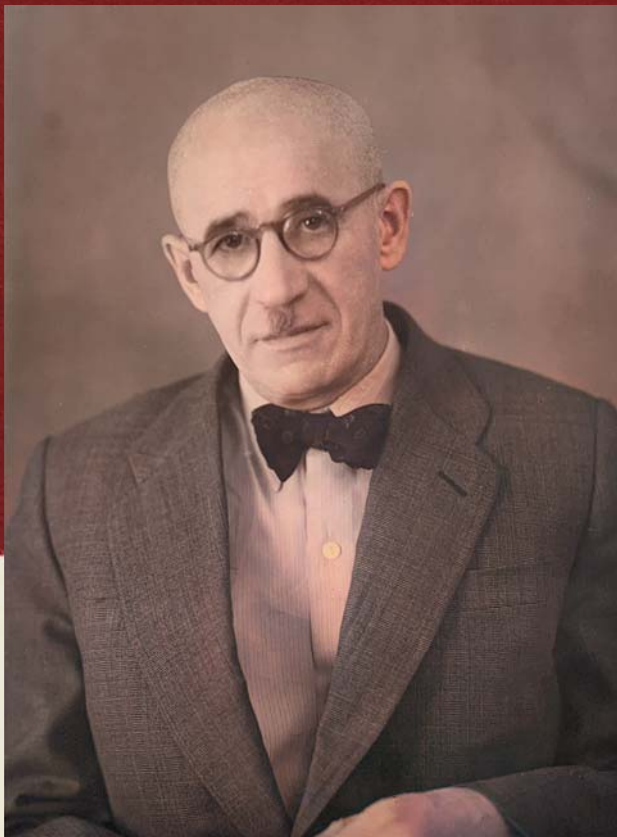
Б. С. Кузин. Начало 1970-х гг., п. Борок, Ярославская обл. СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 35. Л. 9

Вверху – план диссертационной работы Б. С. Кузина. 1947 г. Автограф. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 4. Д. 205. Л. 9

Сохранившееся поэтическое наследие Б. С. Кузина включает около сотни лирических и множество шуточных стихотворений, которые датированы периодом 1935–1971 гг.

*И вот, смотри, — еще досталась мне
Одна весна. Она — подарок тоже,
И хоть на все прошедшие похожа, —
По-новому я новой рад весне.*

*Особой немoty на всем печать...
Я нынче ночью снова слышал что-то,
И снова, словно говором фагота,
Поведанное с тем, чтобы молчать.*

Б. С. Кузин. 1959 г., п. Борок.
СПбФ АРАН. Ф. 1033. Оп. 2. Д. 67. Л. 1.
Редакционная ретушь цветом

биологии стало доминировать «учение» академика Т. Д. Лысенко, механоламаркистское по духу. В те годы сторонники концепции наследования приобретенных признаков получили возможность высказывать свои «еретические» взгляды, чем и пользовались. Тот же бывший друг Кузина и глава механоламаркистов Евгений Смирнов — к тому времени уже заведующий кафедрой энтомологии биофака МГУ — опубликовал целую серию статей по этому вопросу, пересыпанных похвалами в адрес Лысенко и «мичуринской биологии».

Но Борис Кузин молчал. В этом можно увидеть понятную осторожность бывалого лагерника, предпочитающего помалкивать о своих сокровенных взглядах. Но причина, похоже, лежала глубже. Жаркий спор между сторонниками Дарвина и Ламарка потерял в его глазах всякую актуальность. Для себя он решил, что «... движущие силы эволюции не так просты. И с тех пор я почему-то не могу представить себе Дарвина иначе как мальчиком в коротких штанишках, но, впрочем, с бородой и с великолепными нависшими бровями. В этом же роде мне представляется и Ламарк. Это очень нехорошо. Я прекрасно понимаю, что оба они выдающиеся ученые. И почему передо мной не предстают в таком виде Линней или Бюффон... [Я] не считаю, что эволюцию не следует изучать. Только я думаю, зачем же я буду есть картошку, когда за ту же цену я могу нажраться шашлыка...» (Там же, с. 13).

Когда наступила осень жизни, Борис Кузин оставил эти, некогда столь его волновавшие темы другим, а сам размышлял о проблемах морфологии животных, их классификации, природной гармонии, а также о «духе Космоса»...

Борис Сергеевич Кузин ушел из жизни 26 апреля 1973 г. В семидесяти прожитых им годах поместилось несколько исторических эпох: от предреволюционной императорской России до времени «развитого социализма»...

Итог своей непростой жизни Кузин подвел в свойственной ему немного парадоксальной манере. Вспоминая свою юность, он писал: «Мне кажется, что вообще интеллигент того времени как бы не дорос до способности по-настоящему оценивать события, людей и всякие явления в жизни, в науке и в искусстве. Чтобы узнать истинную цену этим вещам, нужно было пережить все, что последовало за Первой мировой войной и за революцией. Хотя я сам лишь случайно уцелел в ходе этих событий, я считаю, что они научили меня такому, чего я без них никак не смог бы постигнуть» (Там же, с. 34).

Борис Сергеевич сделал в науке меньше, чем мог бы по масштабу своего дарования. Виною тому — всем известные «обстоятельства». Но он оставил после себя не только печатные труды, но и гораздо большее — в мемуарах и письмах он сохранил память о себе и своей жизни, а также о своих замечательных друзьях

Пройти через суровые жизненные испытания Б. С. Кузину помогли безусловная любовь к жизни, живой ум, тонкое чувство юмора, ирония и самоирония. А еще до самой смерти друг Мандельштама продолжал сочинять стихи. Серьезные и не очень, от лирики до озорных «на грани фола», на которые он тоже был большой мастер.

Старожилы Борка рассказывают, что последнюю свою «шутку» он сыграл после смерти: завещал похоронить себя по православному церковному обряду. С трудом отыскивали в соседней деревне запущенную церквушку, а отпевал его игумен Павел (в миру П. А. Груздев), будущий архимандрит, с которым Кузин повстречался и подружился еще в лагере. Проводили Бориса Сергеевича в последний путь, как было завещано. Ох и нагорело же потом руководству академического института за попустительство «религиозным суевериям»! Говорят, что после отпевания на вопрос «Нет ведь таких людей больше?» отец Павел ответил: «Да, и выкроечки у Господа Бога не осталось» (Давыдов, 1995, с. 92)

ЛИРИЧЕСКОЕ

~~ЭПИТАФИЯ~~ ЭПИТАФИЯ

Прохожий, здесь покоюсь я.

Ты слышал про такого?

Я дар земного бытия

Истратил бевтолково.

И был, к несчастью моему,

Я взыскан муз лжобвью.

И даже угодил в тюрьму

За склонность к острословью.

Курил табак, любил собак.

Они меня — тем паче.

Прохожий, ты живи не так,

А как-нибудь иначе.

Б. С. Кузин, «Эпитафия». Машинопись.
СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 33. Л. 49

и собеседниках, с которыми его сталкивала судьба: Осипе и Надежде Мандельштам, Льве Гумилеве, Александре Любищеве, Иване Папанине...

Его биография может послужить и неким моральным уроком: как оставаться верным самому себе и своему призванию в самых чудовищных условиях, под гнетом бесчеловечной системы, в отрыве от научной среды, при невозможности вслух говорить то, что хочется и нужно сказать.

Незадолго до смерти Кузин признавался: «Я доволен тем, чем заполнил свою жизнь, и мне кажется, что заполнял я ее прилежно»...

Литература

Анненкова Е. А. Литературное наследие зоолога Б. С. Кузина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Миллеровские чтения — 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы III Международной научной конференции 21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург. СПб.: Реноме, 2021. С. 286–293.

Бартошевич-Жагель О. «Ламарк» Мандельштама и Борис Кузин: биографический ключ // Новый мир. 2022. № 1. С. 179–194.

Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М.: РГГУ, 2010. 210 с.

Винарский М. В. Письма ссыльного энтомолога: Переписка Бориса Кузина и Андрея Семенова-Тян-Шанского, 1935–1938 // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 149–170.

Давыдов М. А. Заметки к биографии Б. С. Кузина // Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я.: 192 письма к Б. С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. С. 753–759.

Жолковский А. К. Очные ставки с властителем. Статьи о русской литературе. М.: РГГУ, 2011. 636 с.

Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я.: 192 письма к Б. С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. 800 с.

Мандельштам О. Э. и Кузин Б. С. Материалы из архивов / публ. подгот. М. Давыдовым и А. Огурцовым // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 127–144.

Махров А. А. Благоприобретенные признаки // Химия и жизнь. 2005. № 1. С. 24–27.

Сойфер В. Н. Жан-Батист Ламарк — создатель первого эволюционного учения // НАУКА из первых рук. 2010. № 3 (33). С. 88–103.

Сойфер В. Н. Чарльз Дарвин и эволюционная теория // НАУКА из первых рук. 2010. № 4 (34). С. 86–101.

Авторы выражают признательность администрации Санкт-Петербургского филиала Архива РАН за разрешение использовать архивные материалы из его фондов